

ЛИЧНОСТНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ПРОБЛЕМА АДАПТАЦИИ ИЛИ ЦЕЛОСТНОСТИ?

Проблема идентичности, как личностной, так и социальной, находится в центре внимания современных исследователей. Актуальность данной темы обусловлена изменившимися условиями, в которых происходит формирование и развитие идентичности в наши дни. Эти изменения вызваны, с одной стороны, расширением личного сознания, выходом за границы национальных, культурных представлений и стереотипов, «глобализацией»; а с другой — нарушением чувства безопасности, связанного с экономической и политической нестабильностью. В качестве третьего условия можно выделить социокультурную установку на достижения и высокий темп жизни. Пытаясь реализовать эту установку, человек не успевает прожить процессы, необходимые для формирования здоровой идентичности.

Однако необходимо отметить, что большинство исследований посвящено проблемам социальной идентичности и становлению личностной в юношеском возрасте. Развитие идентичности в зрелости по-прежнему остается малоизученным. В рамках данной работы мы попытаемся осветить основные вехи в динамике идентичности в первой половине жизни человека, а также наметить задачи второй половины.

Обращение к истории вопроса об идентичности выявляет двойственность этих задач, которая заложена уже в определении самого понятия.

В философии идентичность (или сходство) состоит в том, что делает объект определимым и распознаваемым с точки зрения обладания рядом качеств или особенностей, которые отличают этот объект от объектов различного типа. Связь понятий идентичности и тождества прослеживается еще со времен античной философии. В аристотелевской традиции понятие тождества надделено бóльшим фундаментальным значением, нежели понятие различия. В Но-

вое время Декарт проинтерпретировал это как субстанциальность cogito, что нашло свое развитие в трансцендентализме, в особенности в «философии тождества» Шеллинга. Шеллинг трактует идентичность как тождественность (точнее, самотождественность) структур «чистого» мышления, идеального Я. Brentano определял идентичность как «соответствие, мыслимое в совершенстве».

В неклассической философии проблематика идентичности представлена в трудах Хайдеггера, который понимал ее как всеобщность бытия. Согласно Хайдеггеру, всякое сущее тождественно самому себе, а в силу того, что оно есть сущее, то и всякому другому сущему. Близок к такому пониманию был и Гуссерль. В его представлении, через трансцендентальную редукцию можно перейти на самотождественное («чистое») сознание как таковое [Социология..., 2003].

В психологической традиции эти представления вошли в понятие идентичности как внутренней сущности, ядра личности, тесно связанного с ценностно-смысловой системой. Стремление к обретению идентичности отражает стремление к целостности, интеграции противоположностей.

Однако существует и другая интерпретация идентичности в классической философии, принадлежащая Иоанну Дунсу Скоту. Она известна как концепция индивидуализирующей «эотности» или «этовости», что трактуется как самотождественность единичного в его самости. Впоследствии концепция была дополнена понятием «чтойности» Шелера и понималась как раскрытие самости в ее соотносительности с «другим» [Там же]. Следующим шагом в разработке концепции идентичности следует считать тезис Юма о конституировании идентичности не из самости человека, а «извне», т.е. из общества. В такой трактовке идентичность поддерживается за счет имени, репутации, славы и т.д., поскольку в представлениях Юма Я — это всего лишь «пучок восприятий» и не более того. Фактически в это время впервые были выдвинуты тезисы о формировании идентичности в пространстве культуры и общества. Человек в этой традиции находит себя через внешнее, вне себя самого, в своей деятельности и в этом отношении «создает себя».

Данная философская линия отразилась в психосоциальном понимании личностной идентичности, согласно которому идентичность — это не столько внутренняя целостность, сколько результат согласования, баланса между потенциальной целостностью, лич-

ностными смыслами и ценностями общества, представленными в том числе и в признании значимыми Другими.

Наиболее ярко данную позицию обозначил Э. Эриксон, определив идентичность как «осознание того, что синтезирование “эго” обеспечивается тождеством человека самому себе и непрерывностью, и что стиль идентичности совпадает с тождеством и непрерывностью того значения, которое представляется значимым другим в непосредственном окружении» [Эриксон, 1996, с. 59]. Автор раскрывает психосоциальную сущность, выделяя четыре аспекта: сознательное чувство индивидуальной идентичности; бессознательную борьбу за непрерывность личностного характера; критерий эго-синтеза; поддержание внутренней солидарности с идеалами и идентичностью группы.

В аналитической традиции сходное содержание отражено в понимании Персоны [Стайн, 2007]. Э. Эриксон интересовался идеями К.Г. Юнга и предположительно развил его представления об отношениях «Эго — Персона».

В отечественной литературе данная точка зрения поддержана, например, Е.Т. Соколовой, которая определяет самоидентичность как «устойчиво переживаемую тождественность Я во времени и пространстве; она предполагает аутентичность самовосприятия, высокий уровень интеграции частных динамических и противоречивых образов Я в единую связанную систему, благодаря чему оформляется и сохраняется устойчивым, обобщенным и целостным индивидуально-личностное самоопределение, поддерживаемое и разделяемое общностью значимых других» [Соколова и др., 2001, с. 4].

Возникает вопрос: является ли данная двойственность следствием непримиримых позиций, этапом в развитии научной мысли, или она отражает сам процесс развития идентичности в течение жизни человека?

Предположение о непримиримости позиций кажется маловероятным, так как уже диалогическая философия достаточно адекватно воплотила этот круг идей. М.М. Бахтин, в частности, сформулировал идею вневходимости человека, согласно которой подлинное Я всегда обнаруживается в точках несовпадения человека с самим собой, в его идентификациях с «Другим». Таким образом, две «линии», противостоявшие в классической философии дискуurse тождества в понимании идентичности, совпали в XX в.

в постклассической перспективе. Понятие целостности вошло в пространство Диалога.

Психологические исследования также поддерживают данную точку зрения. Так, социальная взаимозависимость рассматривается как условие здоровой идентичности (Г. Олпорт), утверждается необходимость социального признания и объединения с окружающим миром и людьми (Фромм), отмечается роль значимого Другого в формировании идентичности (Мелибруда, Скрипкина). Данные представления позволяют нам говорить о том, что противоположности **«внутренняя сущность — согласованность с социальными ценностями»** обрели жизнь в едином пространстве.

Согласно современным представлениям, идентичность динамична, она претерпевает изменения, который носят как эволюционный, так и революционный, кризисный характер. Подчеркивается процессуальность идентичности.

Таким образом, в самой сущности идентичности заложена вторая пара противоположностей — это **единство постоянства и изменчивости**. С одной стороны, личностная идентичность обеспечивает нам непрерывность восприятия себя; с другой — необходимо признать наличие динамики, постоянной корректировки, включение новых элементов, выключение старых с последующим новым синтезом. У. Джеймс, анализируя новое состояние души, обретенное после разрешения религиозного кризиса, обнаружил, что при общей его прочности и постоянстве отдельные чувства внутри состояния могут быть изменчивы [Джеймс, 1993]. К.Н. Поливанова отмечает: «Человек, сформировавший идентичность, оказывается самостождественным, он остается самим собой независимо от ситуации действия, но он одновременно и адекватен ситуации, не теряя при этом своего лица» [Поливанова, 2000, с. 80]. Последнее утверждение указывает на третью пару — **проблему целостности и адаптации**.

Данные противоположности не только раскрывают сущность личностной идентичности, но и задают направление развития. С одной стороны, адаптация ассоциируется с общественным вкладом и изменением, а целостность близка с внутренней сущностью и постоянством. Личность, активно стремящаяся к адаптации, ущемляет свою многогранность, а личность, нацеленная на раскрытие внутренней сущности, может оказаться неадаптивной (например, жизненный путь Рембрандта).

Но действительно ли это противоположности, которые заставляют совершить выбор и отклонить одну из альтернатив? Или обе характеристики, заложенные в понятии идентичности, должны найти место в жизни человека? В согласии с традициями аналитической психологии, мы предполагаем, что личностная идентичность развивается от адаптации в первой половине жизни к целостности во второй половине жизни. Индивид «собирает» свою личность и добивается более устойчивой и всеобъемлющей интеграции в зрелом возрасте. Идентичность формируется на определенном этапе развития, претерпевая в течение жизни неоднократные изменения и предполагая диалог между человеком и другими людьми. Таким образом, дихотомии «внутренняя сущность — согласованность с социальными ценностями», «постоянство — изменчивость», «целостность — адаптация» оказываются внутренне интегрированными.

Рассмотрим основные вехи в динамике идентичности в первой половине жизни человека, а также задачи второй половины.

Идентичность не является врожденным конструктом. Для самого акта идентификации необходимо различие субъекта и объекта. Психоаналитическая традиция утверждает, что младенец не разграничивает свое Я и внешние объекты. Для него нет границ собственного тела, мать является его продолжением. Биологическая слабость и неподготовленность младенца, долгое пребывание в зависимом состоянии обуславливают необходимость симбиоза с матерью. М. Малер указывала, что мы рождаемся дважды: физически — отделившись от материнского тела и психологически — отделяя свое Я от Другого. Таким образом, младенец в своем развитии движется от симбиотической фазы к фазе сепарации-индивидуации. В этом интрапсихическом событии первичным является стремление к индивидуации, но оно невозможно без выхода из слияния с матерью. Таким образом, от рождения ребенок не обладает четкой самоидентификацией. Это длительный процесс, происходящий поэтапно и включающий формирование стабильных внутренних репрезентаций, дифференциацию Я, а после сравнение и различение этих репрезентаций [Эриксон, 1996].

Таким образом, у истоков формирования личностной идентичности мы обнаруживаем процесс выхода из целостности (представленной в форме слияния с матерью). Дифференциацию Я можно рассматривать как изменчивость, а стабильные репрезентации — как основу для постоянства.

Собственно формирование идентичности в юношеском возрасте основано на определении ролей и вписывании себя в окружающий мир. Молодые люди должны заявить свое Я, определить центр сознания и завершить сепарацию. В результате прохождения этой стадии юноши и девушки находят свою социальную нишу. Многие цели имеют социально значимый характер. Тем самым идентичность в юношеском возрасте больше отвечает задачам адаптации. Целостность представлена открытием идеи собственной самоидентичности. Интеграция и структурирование ролей означает, что больший вес имеет согласованность личностных и социальных норм и ценностей. Доминирует вера в постоянный прогресс. Этот оптимистичный миф часто превращается в персональный пожизненный план достижения успеха и девиз «мы творцы собственной жизни и новой реальности».

В первой зрелости (30 лет) ситуация меняется. Внутреннюю задачу можно сформулировать как необходимость осознать свои ограничения и возможности, разотождествить свое Я и атрибуты. Происходит отделение от прежней героической идентификации юности, разотождествление с психосоциальным аспектом (Персоной). Решению этой задачи способствует изменение временной перспективы и появление символической функции в означении и осознании кризиса. Личность переживает завершение «обязательной программы»: школа, институт, создание семьи, построение карьеры. Возникают разочарования, в результате которых изменяются проекции, появляется возможность соприкосновения с собой и установления реальной связи с другими людьми. Важное значение данного периода заключается и в защите от преждевременного перехода к личностной трансформации.

Изменение временной перспективы выражается в переживании собственной вневременной сущности. Его можно означить как переход от социального времени к духовному; значимость внутреннего времени становится гораздо выше. Жизненные события рассматриваются не с позиции настоящего и их вклада в ближайшее будущее, в достижения и адаптацию первой половины жизни, а с точки зрения их ценности в контексте всей жизни человека, более того, в некоем общемировом масштабе.

Важную роль начинает играть символическая функция. Впервые человек пытается осмыслить свои переживания и происходящие события не только в их объективно-реальном ключе (на-

пример, как в юношеском кризисе), но и символическом, т.е. соотносить внешние события с внутренним миром, обратить внимание на свои сновидения, мечты, нереализованные стремления. Эмоциональный отклик на конкретное событие понимается не только как «естественная человеческая реакция», но как имеющая особое личное значение, указывающее на непознанные грани личности. Такое осознание внутренних связей и сторон является одним из первых шагов к трансформации и обретению целостности в середине жизни.

Таким образом, завершается процесс формирования личностной идентичности в индивидуальном контексте, и с помощью символической функции происходит ее соотнесение с коллективным уровнем, намечаются зоны последующего развития и интеграции, открывается путь к трансформации личности в середине жизни. Адаптация удерживается в фокусе внимания, однако она осознанно и на бессознательном уровне соотносится с целостностью, человек совершает выборы, видя оба полюса.

В середине жизни (40 лет) психика по-прежнему очень подвижна и активна. Данный период сравнивают с подростковым возрастом: человек переживает подвешенность собственной идентичности, неопределенность, что позволяет пересекать внутренние границы и запретные рубежи [Стайн, 2007]. В то же время появляется вопрос об ограничениях, которые задает возраст и предыдущие жизненные выборы. Человек обнаруживает себя между мечтами и реальностью и оказывается перед задачей «рокового десятилетия» — отделить прежнюю идентичность, ориентированную на социальные нормы. Это отделение и формирование основ новой идентичности может переживаться как страх смерти.

Решение данной задачи связано не с ростом или установлением чего-либо, а с вопросом о смысле. Смысл открывается в развитии тех сторон себя, которые раньше были скрыты, находились в подчиненном положении или носили только потенциальный характер. Таким образом, вторая половина жизни знаменуется поворотом от адаптации к целостности.

Литература

Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. М.: Наука, 1993.

Поливанова К.Н. Психология возрастных кризисов. М.: Академия, 2000.

Соколова Е.Т., Бурлакова Н.С., Леонтиу Ф. К обоснованию клинико-психологического изучения расстройства тендерной идентичности // Вопросы психологии. 2001. № 6. С. 3–17.

Социология: Энциклопедия / сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. Минск: Книжный Дом, 2003.

Стайн М. Трансформация. Проявление самости. М.: Когито, 2007.

Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.

© Селюгина П.Б., 2012